

УДК 81'374: 821.161.1
DOI: 10.17223/22274200/16/4

И.А. Тарасова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ФОРМАТЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Представлено теоретическое осмысление результатов лексикографирования ключевых слов поэзии Георгия Иванова, выполненного в формате авторского словаря-тезауруса. Предполагается, что словарная статья данного типа может быть рассмотрена как лексикографическая форма представления индивидуально-авторских концептов. Зонная организация словарной статьи позволяет эксплицировать различные слои концепта и отразить его основные содержательные признаки.

Ключевые слова: поэтическая лексикография, словарь-тезаурус, художественный концепт, поэзия Георгия Иванова.

За более чем стопятидесятилетнюю историю своего существования авторская лексикография накопила значительный опыт в области составления словарей языка писателя. Этот опыт концептуально осмыслен в обобщающем исследовании Л.Л. Шестаковой [1], предложившей универсальную типологию авторских словарей. По типологии Л.Л. Шестаковой созданный нами «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова» [2] относится к монографическим объяснительным дифференциальным словарям с научно-описательной ориентацией. Поскольку он включает различные параметры описания ключевых лексем (статистический, семантический, грамматический, стилистический, словообразовательный), его можно квалифицировать как комплексный (многопараметровый).

В процессе работы над словарем некоторые предварительные теоретические положения авторской идеи нового типа словаря были артикулированы. Так, был декларирован приоритет семантического критерия при выборе ключевых слов; названы лексемы, претендующие на статус ключевых в идиостиле Г. Иванова; представлена зонная структура словарной статьи; высказано предположение о потенциале каждой из зон (гнездования, толкования и тезауруса) в экспликации концептуального содержания [3]. Другими словами, рассмотрению подвергались состав и структура словаря.

Наиболее полно проект словаря представлен в разделе «Лексикографическое описание индивидуальной концептосферы» монографии автора [4]. Находясь на этапе кристаллизации замысла комплексного поэтического словаря, автор обсуждает спорные моменты лексикографической техники: вопрос о базовых единицах словаря (экспрессема – идеологема – ключевое слово), типологию художественных значений в их словарном представлении, возможности лексикографирования индивидуально-авторских символов. Последнему вопросу была посвящена отдельная публикация [5]. Исходя из номинативного употребления как основной формы проявления поэтической символики, автор признает, что во многих случаях указание на символический смысл предполагает изначальное *знание* (опирающееся на контекст творчества) о его существовании у идиостилевой константы. Иначе говоря, эта процедура требует от лексикографа определенной смелости. Именно невыводимость символического смысла из узкого контекста и – следовательно – проблематичность его словарной фиксации стали впоследствии предметом научной дискуссии.

В окончательном варианте словаря авторская концепция, сохранив свои основные контуры, предстала в уточненном в ходе лексикографирования виде: существенный перевес образных употреблений над прямономинативными потребовал усилить внимание к лингвопоэтической квалификации микроконтекстов, что, в свою очередь, способствовало выдвигению в фокус внимания стилистических особенностей *ключевого слова*, а не содержательных компонентов концепта, как предполагалось изначально. Указанные изменения первоначального замысла отражены в вводной части словаря – «Предисловии» [6]. Адресованное пользователю, оно содержит объяснение типологических черт словаря (дифференциальный, толковый, с элементами тезауруса), его идеологических истоков (семантические принципы словаря языка писателя, разработанные Б.А. Лариным; опыты тезаурусного описания И.А. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, С.Е. Никитиной). Подробная характеристика макроструктуры и микроструктуры словаря сопровождается весьма разветвленным перечнем помет и условных обозначений. О концепте в «Предисловии» речь вообще не идет: оставляя этот термин для специалистов, составитель предлагает читателю прикоснуться к дальнейшему значению *слова*.

Результаты обсуждения готового лексикографического труда и его переиздание [7] побудили нас обратиться к некоторым методологиче-

ским вопросам поэтической лексикографии, в числе которых важнейшим представляется вопрос о соотношении языковых форм и выражаемого ими поэтического смысла (художественного концепта) [8]. В отличие от упомянутых выше работ нас будут интересовать не проблемы лексикографирования идиоспецифичной лексики (ключевых слов), а возможности концептуальной интерпретации апробированной словарной формы.

Представляется, что возможно говорить о нескольких типах соотношения форма / смысл в лексикографических изданиях: 1) фиксируется только языковая информация (словоуказатели, конкордансы, словари цитат, отдельных образных средств и другие словари фиксирующего типа); 2) содержательная интерпретация языковых форм ориентирована на ближайший контекст (традиционные толковые словари языка писателя); 3) используется путь от понятия, концепта к слову как их репрезентанту (идеографические словари, словари-тезаурусы); 4) изолированное от языковых форм преподнесение концептуальной, идеологической и другой содержательной информации (словари энциклопедического типа). Если придерживаться этой типологии, то созданный нами «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова» как толково-идеографический словарь принадлежит к смешанному типу: в нем осуществляется переход от слова к идеологеме, концепту художественного мира, хотя связь «ключевое слово – концепт» не представлена в Словаре в явном виде.

Понятие художественного концепта относится к числу базовых терминов когнитивной поэтики [9]. Однако активное употребление этого термина еще не гарантирует однозначности его понимания. Мы определяем художественный концепт как сложное ментальное образование, принадлежащее индивидуальному сознанию, закрепляющее авторское представление об объектах поэтического мира. В то же время, аккумулируя накопленные поэтическим дискурсом художественные смыслы, концепт – в качестве универсального художественного опыта – принадлежит «психоментальной сфере этнокультурного сообщества» [10. С. 41], что сближает его с концептом культуры.

В результате этой двойственности, обращенности – одновременно – и к сфере индивидуального сознания, и к сфере коллективного предзнания художественный концепт, с одной стороны, обладает всеми свойствами лингвокогнитивных концептов, представляющих собой «оперативные содержательные единицы памяти, ментального

лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [11. С. 90]. С другой стороны, вписанность индивидуально-авторского сознания в культурный контекст позволяет моделировать художественный концепт с опорой на слои концепта культуры – образный, понятийный, оценочный, символический [12. С. 134].

Однако на фоне культурных концептов индивидуальные художественные концепты отличаются большей степенью специфичности, воплощая в своей природе диалектику общего и особенного. Как справедливо отмечает Ю.Д. Тильман, «художник не просто использует, а по-своему осмысляет выработанные в культуре концепты, он как бы заново переоткрывает содержание концепта: из многообразного спектра идей и историко-культурных напластований авторским предпочтением отмечены не все – на наиболее важные указывает степень разработанности отдельных концептуальных признаков, которые при обживании концепта автор последовательно проводит, используя различные средства лингвокреативной техники» [13. С. 203].

Между концептом культуры и авторским художественным концептом возможно и более сложное соотношение: поэт может заново переосмысливать содержание культурного концепта, наполнять его характеристиками (вырастающими из индивидуально-авторских ассоциаций), которые данному концепту в общем-то не свойственны (ср., например, *торжество* или *сияние* у Г. Иванова). Словарное представление таких индивидуально-авторских концептов позволяет продемонстрировать не только авторские способы вербализации концептов культуры, но и специфику художественного мира писателя.

Цель созданного нами «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова» – дать в руки исследователям творчества этого известного русского поэта структурированный материал для реконструкции концептов художественного сознания. При этом способ подачи материала – структура словарной статьи – отчасти сама является интерпретацией концептуального содержания, отчасти ее подготавливает.

Концепт – единица ментального плана, т.е. идеальная, непосредственно не наблюдаемая. Проникнуть в поэтическую концептосферу художника исследователь может, только опираясь на вербальные репрезентации концептов, их текстовую экспликацию. В концепции словаря мы исходим из того, что основным способом репрезентации индивидуально-авторских концептов являются ключевые слова. Ключ-

чевое слово трактуется нами как вход в ментальное пространство языковой личности писателя. Ключевые слова отражают наиболее важные категории авторского мышления и мировоззрения, поэтому они всегда ценностно окрашены. Напомним, что именно ценностная составляющая является концептообразующей [12].

Как правило, ключевые слова обладают высокой относительной частотой в лексиконе поэта. На подготовительном этапе нами были составлены частотный и алфавитно-частотный словари поэзии Георгия Иванова, получены ранжированные списки словоформ, приведенных впоследствии к исходной форме. Предварительный круг ключевых слов был уточнен в результате сопоставления с общеязыковыми частотными словарями, а также имеющимися частотными словарями других современных Г. Иванову авторов. Однако статистический параметр в определении списка ключевых слов, хотя и весьма значимый, не являлся для нас основополагающим. На первое место выдвигались структурный (деривационная активность, склонность к тропическим преобразованиям) и смысловой критерии. Проявления последнего многообразны: это и вхождение ключевых слов в основные оппозиции языка писателя, и связь с категориальными основами мироощущения, многозначность (многозначность), символичность и др. Претенденты на роль ключевых слов должны подвергаться явным индивидуально-авторским преобразованиям (*сияние, торжество*), переосмысливаться в плане традиционной символики (*закат, заря, звезда*). Именно приверженность смысловому критерию как решающему предопределило наш выбор ключевых слов как заголовочных. В результате для словаря поэзии Георгия Иванова нами были отобраны 25 ключевых слов, включающие разные типы лексем:

- частотные в русском языке XX в. и в творчестве Г. Иванова: *жизнь, дом* (первое входит в центральную оппозицию *жизнь / смерть*, второе связано с основными категориальными началами поэтического мира: *Россия, вечность*);
- частотные в русской поэтической традиции и в творчестве Г. Иванова: *душа, звезда, черный, весна, снег*;
- частотно маркирующие именно идиолект Г. Иванова: *роза, музыка, синий, лететь*;
- не отличающиеся собственной высокой частотой, но входящие в разветвленные гнезда однокоренных слов, т.е. обладающие совокупной высокой частотой как гиперлексем: *вечность, смерть, Россия*;

- не обладающие высокой частотой и деривационным потенциалом, но чрезвычайно значимые в плане характеристики концептуальных особенностей поэтического мира Г. Иванова, мировоззренческих установок поэта: *Бог, рай, ад, поэзия, судьба*;

- слова с ярко выраженной индивидуально-авторской символикой: *нежный, сияние, торжество, закат, заря*.

Решающее значение при выборе ключевых слов имел тот факт, что мы стремились представить их как иерархически организованную микросистему. На вершине этой иерархии находятся основные категории поэтического мира Г. Иванова – *жизнь, смерть, вечность*. Непосредственно с ними связаны чрезвычайно значимые для автора абстрактные понятия *счастье, судьба, поэзия*. Специфика авторского мировидения отражается также в идеологемах *Бог, ад, рай, душа, Россия*. Наконец, на третьей ступени иерархии находятся предметные концепты, символическая значимость которых соотносит их с концептами более высоких уровней – *весна, дом, закат, заря, роза* и др.

При всей важности ключевого слова как основного репрезентанта авторского концепта все многообразие концептуального содержания не может быть выражено им одним. Концепт – единица доязыкового и над-языкового уровня, его лексические репрезентанты дают только разную степень приближения к этой содержательной форме.

Полиапеллируемость как свойство базовых концептов [14. С. 38] отражается в словаре на разных уровнях. Способом расположения материала в словаре является алфавитно-гнездовой: ключевые слова расположены по алфавиту, однако внутри словарной статьи располагаются статьи более низкого, как называемого вложенного уровня, применяющие заданные лексикографические параметры к однокоренным лексемам. Например, внутри словарной статьи с заголовочным словом *жизнь* помещено 14 статей родственных слов: *полужизнь, живой, неживой, зажить, прожить* и др. При этом заголовочное слово не обязательно является вершиной словообразовательного гнезда: статус заголовочного получает единица поэтического языка, наиболее полно отражающая содержание соответствующего концепта (*жизнь, сияние*), хотя формальные отношения производности могут быть иными (*жить* → *жизнь*; *сиять* → *сияние*). Словарная статья может включать слова, не связанные с точки зрения синхронного подхода отношениями производности, но обладающие явной общностью

концептуального содержания (*смерть – мертвый – умереть*). Очевидно, что этимологический исток этого концепта один.

Нами замечено, что ключевое слово в значительной степени предопределяет семантику производных, что позволило широко использовать отсылочные толкования. Например, в семантической структуре лексемы «сиянье» выделяется пять значений, четыре из которых:

- 1) яркий, сильный свет, излучаемый или отражаемый чем-либо;
- 2) символ вечности и смерти;
- 3) Божественный свет;
- 4) свет вдохновения,

соотносятся со значениями членов гнезда.

Так, у глагола *сиять* кроме прямого значения зафиксировано символически осложненное значение 2: ‘излучать яркий свет, предвещающая смерть’, соотносимое с аналогичным вторым значением существительного *сияние*. Причастие *сияющий* в своей семантической структуре содержит отсылки к этому значению глагола (‘несущий смерть, связанный со смертью’) и третьему и четвертому символическим значениям существительного: ‘исходящий из области сияния → сияние 3, 4’ [2. С. 162].

Семантика производных может служить дополнительным аргументом в случае выделения той или иной символической ассоциации. Так, символическое значение ключевого слова *снег* «начало, связанное со смертью, несущее смерть» поддерживается семантической рифмой производного сложного прилагательного *белоснежный*: *белоснежном – неизбежном* («*Стоят сады в сиянье белоснежном, И ветер шелестит дыханьем влажным. – Поговорим с тобой о самом важном, О самом страшном и о самом нежном, Поговорим с тобой о неизбежном*»).

Осмысление отмеченных закономерностей на уровне вербализации позволило предположить, что номинальной единицей оязыковления концепта является гиперлексема – корневая, семантически нагруженная часть родственных слов, взятая в отрыве от их грамматических характеристик. Возможно, именно гиперлексема как семантический инвариант кодирует концепт в языковом сознании писателя.

Гнездовое расположение материала позволяет продемонстрировать довербальный характер концепта как ментального образования, основные признаки которого существуют до их языкового воплощения и требуют для своей реализации не одной, а нескольких единиц.

Однако с учетом постулата когнитивной семантики о первичном характере идеальных форм и их нежесткой (а иногда и необязательной) связи с одной языковой оболочкой наиболее адекватным выразителем ментальных феноменов признается комплексная языковая единица – ассоциативно-смысловое поле ключевого слова [15. С. 82]. Это поле объединяет слова, связанные как сильными семантическими отношениями (например, синонимические ряды, антонимические пары), так и более слабыми ассоциативными связями.

Словарная статья в нашем словаре представляет собой семантико-ассоциативное поле, собранное вокруг заголовочной лексемы и упорядоченное по ряду параметров: деривационному, семантическому, синтагматическому, парадигматическому. Иначе говоря, структура словаря может быть представлена как совокупность нескольких зон: зоны гнездования, отражающей деривационный параметр (см. выше), зоны толкования, соотносящейся с семантическим параметром, и зоны тезауруса, фиксирующей синтагматические и парадигматические связи ключевой единицы.

Под тезаурусом понимается тип идеографического словаря, в котором в явном виде заданы семантические отношения между словами. Средством экспликации этих отношений выступают так называемые тезаурусные функции, соотносящие аргумент (в нашем случае – ключевое слово) и значение функции – синтагматический и / или парадигматический партнер ключевого слова на массиве текстов Г. Иванова. Данные функции были разработаны проблемной группой И. Мельчука – А. Жолковского для целей автоматического синтеза текстов на естественном языке и использованы впоследствии в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» [16]. Идея лексических функций была развита С.Е. Никитиной и модифицирована для описания слов-концептов народной культуры [17]. Тезаурусные функции подразделяются на два вида: синтагматические, фиксирующие ближайших синтаксических партнеров слова, и парадигматические. Последние представляются особенно важными для уточнения концептуальных связей в поэтической картине мира.

Глубина семантики поэтического слова и его системный характер раскрываются не только через синтагматические параметры, ориентированные на микроконтекст (субъект – предикат, предикат – объект, признак – носитель признака и др.), но и через парадигматические функции, характеризующие весь корпус поэтических текстов

автора. К ним относятся общеязыковые синонимы и антонимы (*судьба – рок, жизнь – смерть*), контекстуальные оппозиции (*поэт – человек*) и симиляры (*судьба – неизбежность*), перифразы и члены образной парадигмы (*закат – ленты, дивный пурпур богов*), символы (*смерть – черный*) и др.

Например, специфика ключевого слова *весна*, репрезентирующего соответствующий концепт, у Г. Иванова заключается не только в его синтагматических связях с прилагательными: *милая, ранняя, дождливая, вечная, удушливая* (синтагматическая функция «эпитеты»), глаголами, сигнализирующими об олицетворенности этого поэтического объекта: *пришла, спустилась в мир, ничего не сказала, опечалила* (синтагматическая функция «предикаты»), но и в его вхождении в парадигматические группировки (функции «симиляры», «оппозиции»). Квазисинонимические и квазиантонимические отношения устанавливаются не столько на основе номинативного, сколько на основе символического значения ключевой лексемы. Так, в поэтическом мире Г. Иванова симилярами символа *весна* являются *роза* (символ любви и красоты), *звезда, тишина, ночь, сиянье, музыка* (символы смерти); в качестве оппозиций ключевого слова выступают *снежная тюрма* (символ родины), *эфир, лед* (символы вечности).

Вообще отсылка к символическому слою концепта осуществляется в словаре в разных зонах – зоне тезауруса – через функцию «символы» у концептов абстрактных номинатов (смерть – символы: *черный, звезда, снег, музыка, ночь* и др.); в зоне толкования – у ключевых слов, обладающих символическим значением. Фиксация этого значения – не традиционного, а именно индивидуально-авторского – основное принципиальное отличие семантизации ключевых лексем в нашем словаре. Их дефинирование опирается на устойчивые, повторяющиеся из текста в текст авторские ассоциации. Иначе говоря, в динамической модели индивидуального концепта символический слой «прорастает» из ассоциативного, текст же только подсказывает читателю (через регулятивные средства), в каком направлении следует искать авторский смысл.

Например, в стихотворении «Сиянье. В двенадцать часов по ночам...» ключевое слово употребляется несколько раз – в контактном и дистантном повторе. Проходя через текст, оно «поглощает» смыслы других некрологических образов (*гроб, закат, ночь*). Смысловая перспектива задается интертекстуальными переключками с балладой

В. Жуковского «Ночной смотр» («В двенадцать часов по ночам из гроба встает барабанщик...»). В этом семантически плотном текстовом пространстве лексема «сиянье» выделяется композиционно (сильная позиция начала стихотворения), графически (точкой) и синтаксически (бытийное предложение), приобретая в конечном счете качества индивидуально-авторского символа. Это значение индуцируется и в других текстах Г. Иванова, что свидетельствует об устойчивости авторской ассоциации сиянье – смерть, а следовательно, о ее закреплении в символическом слое концепта.

Чрезвычайно важную информацию о специфике образного видения поэта несет тезаурусная функция «ассоциаты», собирающая объекты поэтического мира, связанные с одной ситуацией, раскрывающая суггестивный потенциал заголовочной лексемы. На ассоциативной связи держится цепь образов *весна – солнце – оттепель – прохлада – меланхолия – счастье* в раннем творчестве Г. Иванова. Выступая в символической функции, слово *весна* у позднего Г. Иванова сопровождается другим ассоциативным комплексом: *умереть, призрак, смерть, чернеть, синий*.

Фоносемантические связи ключевого слова фиксируются при помощи функции «семантическая рифма» (*вечность – бесконечность*) и «паронимические аттрактанты» (*музыка – мука*). Актуализация этих связей может свидетельствовать в пользу предположения о фонетической составляющей поэтических концептов.

Анализ материалов словаря показал, что каждый содержательный сегмент концепта проявляет себя в наборе собственных лексических функций, а вокруг разных смысловых линий, по которым развивается семантика ключевого слова, группируются различные лексические партнеры. В направлении анализа от слова к концепту это означает, что различное заполнение одной и той же (например, атрибутивной) валентности сигнализирует о выделении нового концептуального признака. Так, снег как атрибут вечности маркируется эпитетами *нетающий, почти альпийский*, а снег как знак России характеризуется определением *русский*. Поэтому зона тезауруса находится внутри зоны толкования, сопровождая каждое из значений многозначного слова, позволяя реконструировать концепт как личностный смысл, «схваченный» знаком.

Зонная организация словарной статьи позволяет эксплицировать различные слои концепта и отразить его основные содержательные признаки.

Структура концепта в нашей модели включает следующие слои:

- предметный слой, который содержит представление (ментальную картинку);
- понятийный слой, фиксирующий логическую интерпретацию художественной реальности;
- образно-ассоциативный, отражающий связь объектов художественного мира в смысловом поле авторского сознания;
- символический, задающий отношения между концептами конкретных и абстрактных номинаций;
- ценностно-оценочный, в котором заключена оценка изображаемого явления, его связь с основными категориями мироощущения писателя, базовыми национальными ценностями.

Для концептов художественного сознания особенно актуально утверждение И.А. Стернина о том, что концепт рождается как образ и этот образ продолжает оставаться его ядром [18. С. 70]. Среди ключевых слов поэзии Г. Иванова нами отмечены номинаты предметных концептов, средствами кодирования которых с большой долей вероятности можно считать ментальный образ. Например, концепт *роза* репрезентирован художественному сознанию Георгия Иванова в виде набора перцептивно воспринимаемых признаков разных модальностей:

- зрительной (*«И видим мы, склоненные к ручью, Полуденные розы Туркестана»*);
- обонятельной (*«Но мне почудилось благоуханье роз...»*);
- вкусовой (*«Что слаще – запах красных роз Иль шорох тувфелек атласных?»*).

Понятийный компонент концепта эксплицируется словарными определениями (*«Роза. Декоративное растение с красивыми душистыми цветами»* [2. С. 128]). Определяющими для понятийного компонента концепта оказываются когнитивные признаки 'растение', 'цветок', 'красивый', 'запах'. В поэтическом сознании Г. Иванова именно когнитивный признак 'красивый' становится основой возникновения символического значения: *«Роза – символ земной красоты, вечной любви и жизни»* [2. С. 132].

Зона толкования предоставляет богатый материал для реконструкции образного и ценностно-оценочного слоев концепта. Оценка выражается словами с оценочным значением или оценочными коннотациями, вмонтированными в структуру словарного толкования либо

содержащимися в поэтических цитатах. Например, ценностно-оценочный слой концепта *роза* неоднороден. Положительная эстетическая оценка выражается прилагательным «красивый». Наряду с этим в позднем творчестве Г. Иванова актуализируется отрицательная утилитарная оценка художественного денотата: «*Опускайся на самое дно океана Беспольною, черною розой горя!*». Связь с категорией смерти актуализируется символическим цветовым прилагательным *черный*.

Специальные пометы используются для экспликации образного слоя концепта. С лингвистических позиций образным считается употребление, в котором соотносятся два поэтических денотата, выступающие на языковом уровне как художественное целое. К лингвистическим образам относятся такие тропы, как олицетворение, метафора, метонимия, метаморфоза, сравнение.

На когнитивном уровне образный компонент концепта может быть представлен в виде ряда метафорических моделей (точнее, идеализированных когнитивных моделей, если следовать терминологии Д. Лаккоффа [19]). Например: «*Лунатик в пустоту глядит, Сиянье им руководит, Чернеет гибель снизу*» (метафорическая модель сияние – персона, языковая форма проявления – олицетворение); «*О, высок, весна, высок твой синий терем...*» (метафорическая модель весна – девушка, языковая форма проявления – метафора). В словарной статье образные употребления дифференцируются на основе языковых способов их проявления (метаморф. – субъект метаморфозы; метон. – метонимически; в олицетв. – в олицетворении и т.п.), однако для моделирования авторских концептов важны не столько лингвистические формы выражения метафорической модели, сколько образный инвариант, к которому они относятся. Именно этот инвариант является элементом образного (тропеического) слоя концепта, наряду с ментальными образами, примыкающими к предметному ядру (например, *луна, закат, заря, губы, маяк* – для концепта *роза*).

Анализ словарных статей концептов разных типов убеждает в том, что тип концепта – это не черный ящик: он выводится из особенностей его вербализации. В какой-то мере на него указывают задействованные в описании тезаурусные функции.

Предметные концепты с чувственным ядром вербализуются лексикой конкретного значения (*роза, звезда, закат, заря, снег* и др.). В основе тропеического употребления этих лексем лежит сравнитель-

но небольшое количество образных парадигм (роза – живое существо, роза – свет, роза – огонь и т.п.), однако эти парадигмы легко вычлениваются из текста, будучи выражены сравнением, сравнением-метафорой, метаморфозой (*вечерним светом я <роза> скоро стану, синей розой погибающий светит маяк, задыхайся, душа, и сгорай, как закатные розы горят*). Отсюда – заполняемость таких лексических функций, как образ сравнения, субъект сравнения, объект метаморфозы. Наиболее значимые для автора постоянные ассоциации, носящие в большинстве случаев традиционный характер, служат базой для реконструкции символическом слое концепта (роза – красота, роза – смерть, роза – поэтическое творчество). Фактически все ключевые слова, репрезентирующие концепты предметного типа, являются у Георгия Иванова словами-символами. Функции «симиляры» и «оппозиты» заполняются именно для символических значений ключевых лексем. Так, симилярами *заката* как символа гибели являются *ночь, тьма, осень, черный* и др., оппозитами *розы* как символа земной красоты, вечной любви и жизни – *тьма, ночь, полночь, лед*.

Концепты-гештальты вербализуются абстрактной лексикой (*жизнь, смерть, судьба, вечность* и др.). К репрезентантам этих концептов применяются лексические функции «синонимы» и «антонимы», не актуальные для предметных концептов. Среди гештальтов выделяются ментальные образования с логическим ядром (типа *жизнь*) и с чувственным ядром (типа *смерть, вечность*). Для первого типа характерно преобладание логически отрефлексированных когнитивных признаков, для второго типа – перцептивных качеств, значительная часть которых фиксируется через функцию «перифразы» (*вечность – тихий дом из синего льда, бездна голубая, междупланетный омут*). Метафорические контексты, эксплицирующие образный слой этих концептов, позволяют реконструировать значительное число поэтических парадигм, к которым обращается автор, «проясняя» абстрактное через конкретное (*жизнь – человек, жизнь – птица, жизнь – сосуд, жизнь – танец* и т.д.). Символический слой концептов представлен традиционными и индивидуально-авторскими образами (*роза, звезда, закат, черный, синий* и др.), которые выступают в качестве перцептов-индексов, указывающих на абстрактную сущность. Очевидно, что сами ключевые слова – номинаты соответствующих концептов – выступают как символизируемое, а не как символизирующее, что предопределяет использование лексической функции

«символы». Другой способ представить абстрактное через конкретное – наделение мыслимых понятий вещными атрибутами (функция «атрибуты»). Например, атрибуты *поэзии* у Г. Иванова – *лира* и *свет*; атрибуты *жизни* – *шум* и *блеск*.

Образно-схематические концепты вербализуются лексикой с пространственным значением, в том числе глаголами перемещения. Из концептов данного типа в словаре представлен один – *лететь*. И для общезыкового, и для индивидуально-авторского употребления характерно использование подобных лексем в переносных значениях – для описания психологических состояний («*отлетает страх*», «*счастье улетает*», «*лечу, казалось мне, к тебе, о любовь*»). Вместе с тем в образных контекстах лексемы с пространственным значением способны репрезентировать символический слой концепта (лететь – о приближении смерти, путешествии в вечность). Пространственный характер концепта специфицирует лексическая функция «локус».

Эмоциональные концепты эксплицируются именами чувств и эмоций (любовь, счастье, тоска и т.д.). В словаре встречается только один концепт подобного типа – *счастье*. Наряду с номинативным употреблением, для лексем – номинатов эмоций характерно вхождение в традиционные метафорические модели (счастье – птица, счастье – жидкость, счастье – свет и т.п.), что сближает эмоциональные концепты с гештальтами. Как и концепты абстрактных номинаций, *счастье* имеет антоним – *несчастье* и вещные атрибуты: *головокружение*, *сумрак*.

Таким образом, особенности концептов разного типа отражаются в активности тех или иных тезаурусных функций. Последние особенно важны для выявления когнитивных признаков концепта, т.е. тех глубоко залегающих ментальных единиц, которые, будучи выражены целым рядом языковых форм, предопределяют повторяющиеся компоненты в их семантике и особенности употребления в синтагматически отмеченных структурах (например, когнитивный признак «объект, обладающий пространственной локализацией» для концепта *вечность*).

Представляется, что описание ключевых слов, выполненное в формате толкового словаря с элементами тезауруса, дает наиболее адекватное представление о концептуальной системе писателя. Словарные статьи являются своеобразными «заготовками» для когнитивных исследований идиостиля, и их интерпретация в когнитивном ас-

пекте продолжит методологически плодотворный междисциплинарный диалог между когнитивной лингвистикой, стилистикой художественной речи и литературоведением.

Литература

1. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория. История. Современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.
2. *Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова* / сост. И.А. Тарасова. Саратов : Наука, 2008. 208 с.
3. *Tarasova I.A.* The Ways of Lexicographical Representation of Feature Concepts // Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures / ed. by O. Karpiva, F. Kartashkova. Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 235–245.
4. *Тарасова И.А.* Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. 280 с.
5. *Тарасова И.О.* Представлении символов в словаре языка писателя // Миргород. 2016. № 1 (7). С. 73–80.
6. *Тарасова И.А.* Предисловие // Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / сост. И.А. Тарасова. Саратов : Наука, 2008. С. 3–16.
7. *Тарасова И.А.* Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова : словарь-справочник. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.
8. *Тарасова И.А.* Между экспрессемой и идеологемой: о путях развития поэтической лексикографии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 6. С. 91–94.
9. *Тарасова И.А.* Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М. : ИНФРА-М, 2018. 166 с.
10. *Миллер Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
11. *Краткий словарь когнитивных терминов* / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. 248 с.
12. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. Волгоград : Парадигма, 2012. 448 с.
13. *Тильман Ю.Д.* «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 203–212.
14. *Слышкин Г.Г.* Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2005. Вып. 4. С. 34–50.
15. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста : словарь-гезаурус. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
16. *Мельчук И.А.* Толково-комбинаторный словарь русского языка // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл–Текст». М. : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. С. 3–16.

17. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.

18. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 191 с.

19. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things... What the Categories Reveal About Mind. The University of Chicago Press. Chicago ; London, 1987. 614 p.

Artistic Concepts in the Format of a Poetic Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 59–76.

DOI: 10.17223/22274200/16/4

Irina A. Tarasova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: tarasovaia@mail.ru

Keywords: poetic lexicography, thesaurus, artistic concept, poetry of Georgiy Ivanov.

The aim of the article is to characterize the lexicographic method of representing artistic concepts. In the study, an artistic concept is a mental unit of an author's consciousness, which embodies his individual notions about objects of the poetic world. The article is based on the material of the *Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry* compiled by the author of this article. The purpose of the dictionary is to provide those who study the poetry of this famous Russian poet with the means for the comprehension of the author's individual artistic concepts, and the way these means are presented – in a form of a dictionary entry structure – helps to interpret the conceptual content of the poetry. The structure of the dictionary entry can be represented as a sum of several zones: clustering zone, referring to the derivational parameter, explicative zone, referring to the semantic parameter, and thesaurus zone, showing syntagmatic and paradigmatic relations of the key unit. The zone structure of the dictionary entry allows explicating different layers of a concept and showing its main properties. The concept includes a figurative layer containing images of objects (mental pictures) as well as some other layers or components, such as: (1) conceptual, which fixes the logical interpretation of the poetic reality; (2) figurative-associative, which reflects the connection between objects in the poetic world of the author's consciousness; (3) symbolic, which sets relations between concepts of abstract and concrete nominations; (4) evaluative, which gives a valuation of a depicted phenomenon and shows the connection with basic categories of the author's attitude to the world and national values. Depending on which component predominates inside a concept, the author of the article differentiates concepts with a logical core (such as "life"), concepts with a figurative core (e.g., "sunset"), spatial concepts (e.g., "flight") and emotional concepts (e.g., "happiness"). The main means of representing individual author's concepts in Ivanov's texts are keywords. A keyword is considered to be more than a word. It is a "bridge" to the mental space of the writer's language personality. Keywords indicate the most important categories of his worldviews. Therefore, representing keywords through dictionary gives the reader the most adequate notions of the author's conceptual system. Even playing an important role as the main representative of the author's concept, a keyword is not the only way to express the variety of the conceptual content. The most adequate exponent of mental phenomena is

a complex linguistic unit – an associative-semantic field of a keyword. The field would include not only the words, which are connected with each other through semantic, linguistic relations, but also through weaker associative ones. The author supposes that the combination of these lexicographic parameters describing a keyword – semantic, derivational, thesaurus – allows one to reconstruct the associative-semantic field of the artistic concept. Artistic concepts possess a substantial degree of individuality, specific and sometimes unique nature. That is why lexical representation of such individual artistic concepts gives an opportunity of the deep understanding of a writer's inward creative world.

References

1. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'* [Russian Author's Lexicography: Theory. History. Modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Tarasova, I.A. (ed.) (2008) *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry]. Saratov: Nauka.
3. Tarasova, I.A. (2007) The Ways of Lexicographical Representation of Feature Concepts. In: Karpiva, O. & Kartashkova, F. (eds) *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. pp. 235–245.
4. Tarasova, I.A. (2008) *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyy aspekt* [Idiostyle of Georgiy Ivanov: Cognitive Aspect]. Saratov: Saratov State University.
5. Tarasova, I. A. (2016) O predstavlenii simbolov v slovare yazyka pisatelya [On the representation of symbols in the dictionary of the writer's language]. *Mirgorod*. 1 (7). S. 73–80.
6. Tarasova, I.A. (ed.) (2008) *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry]. Saratov: Nauka. pp. 3–16.
7. Tarasova, I.A. (2017) *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova: slovar'-spravochnik* [Dictionary of the Keywords of Georgiy Ivanov's Poetry: A dictionary and a reference book]. Moscow: INFRA-M.
8. Tarasova, I.A. (2002) Between expressema and ideologema: about the ways of poetical lexicography's development. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 6. pp. 91–94. (In Russian).
9. Tarasova, I.A. (2018) *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive Poetics: Subject, terminology, methods]. Moscow: INFRA-M.
10. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 4. pp. 39–45.
11. Kubryakova, Ye.S. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Moscow State University.
12. Karasik, V.I. (2012) *Yazykovaya matritsa kul'tury* [Language Matrix of Culture]. Volgograd: Paradigma.
13. Til'man, Yu.D. (1999) “Dusha” kak bazovyy kul'turnyy kontsept v poezii F.I. Tyutcheva [“Soul” as a basic cultural concept in the poetry of F.I. Tyutchev]. In:

Teliya, V.N. (ed.) *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 203–212.

14. Slyshkin, G.G. (2005) Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: perspectives of conceptual analysis]. In: Dement'yev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. 4. Saratov: Kolledzh. pp. 34–50.

15. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta* [Communicative Stylistics of the Text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

16. Mel'chuk, I.A. (1995) *Russkiy yazyk v modeli "Smysl–Tekst"* [Russian Language in the "Sense-Text" Model]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", Venskiy slavisticheskiy al'manakh. pp. 3–16.

17. Nikitina, S.Ye. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoye soznaniye* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow: Nauka.

18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2001) *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki.

19. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire and Dangerous Things . . . What the Categories Reveal About Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.